

Ветер на задворках мастерской был холоднее, чем в предыдущие дни, и серое небо низко нависало, словно готовое обрушиться.

Обстановка в «Ничейной Земле» царила беспокойная, и очереди в мастерскую шли всё более длинные, сплошь для тёмных делишек.

В последнее время Пэй Цун всё чаще исчезал в одиночку. Чезаре, хоть и жил с ним под одной крышей, постоянно с ним разминался.

Кучка старых механиков, зажав в зубах самокрутки, толпилась возле груды разбросанных механических обломков, обсуждая последние новости.

Один, понизив голос до таинственного шёпота, сказал:

— Но «Крысиный Хвост» говорит, что видел настоящую шишку. Оказывается, и Инфу пожаловал!

Юноша, сидевший неподалёку, услышав «Инфу», мгновенно окаменел. Многочисленные шрамы на его лице дёрнулись, будто его укусили в спину.

— Блядь, — вырвалось у него, и в голосе прозвучала не сдерживаемая паника. — Инфу же никогда не лез в эту мертвую гущу! С чего это он объявился?!

Окружающие, похоже, не придали этому значения. Кто-то даже фыркнул:

— Кто знает, когда его опять накроет. Столько лет прошло. Раньше ведь тоже чудил, то и дело улицу к чёрту взрывал. Если сейчас не действует, значит, что-то крупное замышляет.

— Но уж если Инфу взялся, с его-то маньячьим упорством, настоящая потеха ещё впереди.

Чезаре сидел в тени, наблюдая, как разговор уводит всё дальше от сути.

Но в помещении всё же нашёлся тот, кто сглотнул и с любопытствующей ухмылкой нарочито спросил юношу:

— Смотрю, тебя вон как передёргивает. Но ведь Инфу же тебя не убил?

У того, будто затронули старую рану, лицо его стало ещё холоднее.

— Блядь, — прошипел он сквозь зубы. — Повезло, что я быстро сориентировался и успел ножом себе по роже полоснуть...

Он ткнул пальцем в своё лицо.

— Он счел меня грязным и просто вышвырнул вон.

Услышав это, Чезаре наконец поднял на него взгляд.

Юноша был долговязым, с худощавым костяком. Даже с этими шрамами на лице в нём угадывалась холодная, бледная и резкая красота; именно тот типаж, которым, по слухам, интересовался Инфу.

Тот, с не до конца утихшим страхом, причмокнул и, ещё больше понизив голос, продолжил:

— У него эта мания коллекционирования до безумия дошла.

— Чистых, красивых, с редкими генами – всех таких Инфу сгребает к себе, содержит, а когда наиграется, наскучатся они ему, сразу под нож их.

— Был тут один парень, с редкой генной мутацией. Инфу тщательно все спланировал, всеми правдами и неправдами заполучил его, а потом даже на улицу не выпускал, полгода холёно содержал.

В глазах собеседника мелькнул страх, и он тихо спросил:

— ...И что потом?

— А потом-то... — юноша усмехнулся. — Говорят, у того «экспоната» нога немного пострадала, ходить стал не так уверенно. Инфу без тени сомнения выкинул его в Западную яму.

Все невольно ахнули.

Там, в Западном районе, сгнуть заживо – обычное дело. Никто не поможет.

— Инфу тогда ещё специально несколько дней наблюдал, пока тот на его глазах не сдох с голоду и не превратился в кучку костей в отбросах. Только тогда ушёл.

— Вот такой у него вкус: «редкий», «цельный», «идеальный». Малейший изъян – и уже грязь, сразу на выброс. Живого человека считает за хлам.

Юноша выпустил клуб дыма. Голос его звучал легко, но сквозь него пробивалась лютая ненависть:

— Инфу – настоящий извращенец. Без капли жалости.

Чезаре ничего не сказал и опустил голову, начав медленно вертеть в пальцах ножик. Остриё постукивало о стол беззвучно, лишь дополняя ту странную, гнетущую тишину.

— Однако... — молодой механик, задававший вопрос, цыкнул и сменил тему. — Найдётся же тот, кому и его рожа по нраву.

Старые механики переглянулись. Все понимали, что это значит.

— Тц-тц. Слишком давно не появлялся. Те, кто раньше боялся на него глаз поднять, теперь уже и помечтать себе позволяют.

— А раньше кто посмел бы? Честно говоря, только сейчас и нашлись те, кто втихаря на него заглядывается.

Стоявший рядом холодно усмехнулся:

— ...Ещё бы. Инфу раньше убивал, как воду пил. У кого кишка не тонка была?

Дальше поплыли смутные, приглушённые смешки, отдававшие пошлостью. Инфу слишком долго не появлялся, и под сенью его бывшего могущества стали пробиваться иные мысли.

Чезаре сидел в тёмном углу, безмолвно слушая их болтовню. Имя Инфу витало в воздухе, словно холодный сквозняк, пронизывающий его насквозь.

О дурной славе Инфу он слышал не впервые. На чёрном рынке это имя всегда ассоциировалось с словами: «псих», «контроль», «оковы», «смерть без целого тела».

Но сегодня Чезаре впервые почувствовал, насколько правдивы эти слухи.

Его настороженность по отношению к Пэй Цуну за это время уже успела незаметно ослабнуть. Он даже неосознанно поверил, что Пэй Цун и Инфу – разные люди.

Это было верхом глупости.

А эти слухи, словно заржавевший нож, выскребли его из того смутного «ощущения безопасности».

Пэй Цун просто оттачивал клинок. Достаточно хороший, точный, смертоносный клинок.

В этот миг Чезаре будто окунули в ледяную воду. Его смутные чувства были грубо вспороты, и все таившиеся в глубине души тревоги и сомнения хлынули наружу.

От этой трезвости его всего пронзило холодом.

Пэй Цун всегда был Инфу.

Беспристрастно наблюдая за всеобщим оживлением, он внутренне вернулся к изначальной настороженности, словно затянул потуже защитную броню из тьмы.

***

Чёрный рынок. Узкие улочки, плотно уставленные убогими лотками.

Одной из важных причин малочисленности механиков в Загрязнённой зоне была редкость настоящих возможностей для практики.

Тамошние ремонтники редко видели целое энергетическое оружие, не говоря уже о работе с ним. Большинство были дилетантами, едва сводящие концы с концами, ковыряясь в хламе с развалин.

Но у Чезаре никогда не было недостатка в ресурсах.

Базовые учебные пособия, партии запчастей, целые механические ядра, военные модификации и даже редкое высококлассное оружие, которые были редки в Загрязнённой зоне, Пэй Цун то и дело швырял ему на стол. При этом иногда на нём появлялись свежие, необработанные раны, скрытые под одеждой, но лицо его было по-прежнему спокойным.

Люди на чёрном рынке, видя, чем располагает Чезаре, втихомолку гадали, не стоит ли за ним какой-нибудь молчаливый босс, который его «кормит».

Пэй Цун вёл Чезаре через этот механический район, выбирая что-то среди старого хлама.

Чезаре, опустив глаза и сохраняя ледяное выражение лица, принимал эти тяжёлые, старые вещи, а внутренняя настороженность и неприязнь в нём лишь нарастали.

Пэй Цун свернул с Чезаре за руины одного здания, и едва они завернули за угол, как краем глаза заметил что-то в тёмном тупике.

Впереди, у стены в переулке, кучка местной шпаны с чёрного рынка окружили грязную, скукожившуюся фигурку, осыпая её бранью.

Ребенок лет восьми-девяти, сгорбленный у кучи мусора, был весь в крови и мазуте. Видно, что его не раз пинали в грязь.

На руках виднелись свежие синяки и ссадины, а на коже, покрытой светло-фиолетовыми чешуйками загрязнения, рваные змеиные отметины. Типичный признак тяжёлого генетического загрязнения: пёстрый, изменённый и нестабильный вид.

Шпана обступила его, будто вонючую тварь-мутанта.

— Тьфу, змеёныш, ублюдок!

— Посмел нашу еду стащить, гадость, тошнит от всего, к чему ты прикасался!

Один из подростков пнул ребёнка, ругаясь, словно пиная кучу мусора.

Тот не кричал, лишь мертвой хваткой прижимал к груди растоптанный кусок хлеба.

Кто-то рядом плюнул и оттащил другого парня на шаг назад, с брезгливостью, будто от заразы. Несколько подростков смеялись и матерились, в их глазах читалось привычное для чёрного рынка равнодушие и презрение.

Они смотрели на него, как биологический мусор, нимало не заботясь, выживет ли этот ребёнок. Даже пинать лишний раз не хотели, мол, «испачкают их обувь».

Ребёнок съёжился в жиге грязи, но его глаза, словно у змеи, готовой укусить насмерть, не отрывались от обидчиков.

Он не заливался криками и плачем, как обычные затравленные дети.

Медленно, почти судорожно, он поднял голову.

Из-под грязи проступило лицо, настолько грязное, что черты едва угадывались, но эти безжизненные змеиные глаза пристально уставились на окружающих.

В конце концов, они остановились на Пэй Цуне и Чезаре.

Во взгляде не было явной мольбы или страха, лишь свойственная диким тварям чёрного рынка болезненная надежда.

Ребёнок понимал, что не в силах укусить, но всё равно впился взглядом в возможных «хищников», которые могли бы его вытащить.

В этом бесконечном чёрном рынке, кроме яростной борьбы за выживание, он разучился даже «нормально просить о помощи».

Ребёнок умолял Пэй Цуна и Чезаре, таких же, как он, невзначай подарить ему жизнь.

Эта смесь желания, униженности и ненависти на миг заморозила атмосферу. Он холодно, сдержанно, жутко, не отрываясь, смотрел на двоих перед собой.

Эта картина была слишком знакомой.

Пэй Цуна самого прижимали к земле в развалинах и били.

Чезаре, когда его только подобрали, тоже был в грязи и ссадинах.

Пэй Цун не стал разглядывать детали, всё перед ним было похоже на дерьмовый спектакль, лицо потемнело, словно что-то перекрыло дыхание.

— Пошли.

Голос его был низким, хриплым, с холодной, жёсткой ноткой предупреждения.

Услышав это, ребёнок погрузился в ещё большее отчаяние, и свет в его глазах постепенно угас.

Пэй Цун не стал смотреть дальше и ускорил шаг, стремясь поскорее покинуть этот балаган, в который не желал больше ввязываться.

Нельзя дважды споткнуться об одно и то же.

Взгляд Чезаре не отрывался от Пэй Цуна.

И хулиганы, и грязный ребёнок в луже, и запах крови в воздухе – Чезаре всё чувствовал.

Но он упорно смотрел на Пэй Цуна. С начала до конца его внимание ни на йоту не отвлеклось.

Поэтому ту редкую скованность, что проявил Пэй Цун, он уловил мгновенно и отчётливо.

Ни обычной насмешки, ни холодной усмешки, даже голос затвердел, будто сталь.

Чезаре замедлил шаг и, в конце концов, остановился, желая понять, что же так подействовало на Пэй Цуна.

Тот заметил отставание. Обернулся и увидел, что взгляд Чезаре прикован к ребёнку. Решив, что тот смягчился, Пэй Цун намеренно сделал голос острым, как клинок:

— Не лезь не в своё дело.

Но юноша позади него так и не сделал шаг вперёд.

Впервые Пэй Цун обратился к Чезаре с ледяным лицом, опасаясь, как бы тот не заразился лишней «добротой».

— Мусор с чёрного рынка слишком грязный.

— Такие дворняги ничего не стоят. Спасать их – только время терять.

Видя, что Чезаре молчит, нетерпение и холод внутри Пэй Цуна поднялись с новой силой:

— Если создашь проблемы, мне некогда будет за тобой убирать.

После этих слов воздух будто покрылся инеем.

Пэй Цун шёл быстро, словно боясь, что если обернётся, призраки прошлого втянут его обратно в грязь.

Поэтому он не увидел, как Чезаре, стоя на месте и опустив глаза, окончательно остыл внутри.

Чезаре смотрел на того ребёнка, и в нём не возникло ни капли «жалости». С начала до конца он думал лишь об одном:

Когда у него самого не останется ценности, когда он приобретёт изъян, когда его, как инструмент, используют до конца, отшвырнут ли его тогда так же легко, как эту дворнягу?

<http://bllate.org/book/14659/1322803>